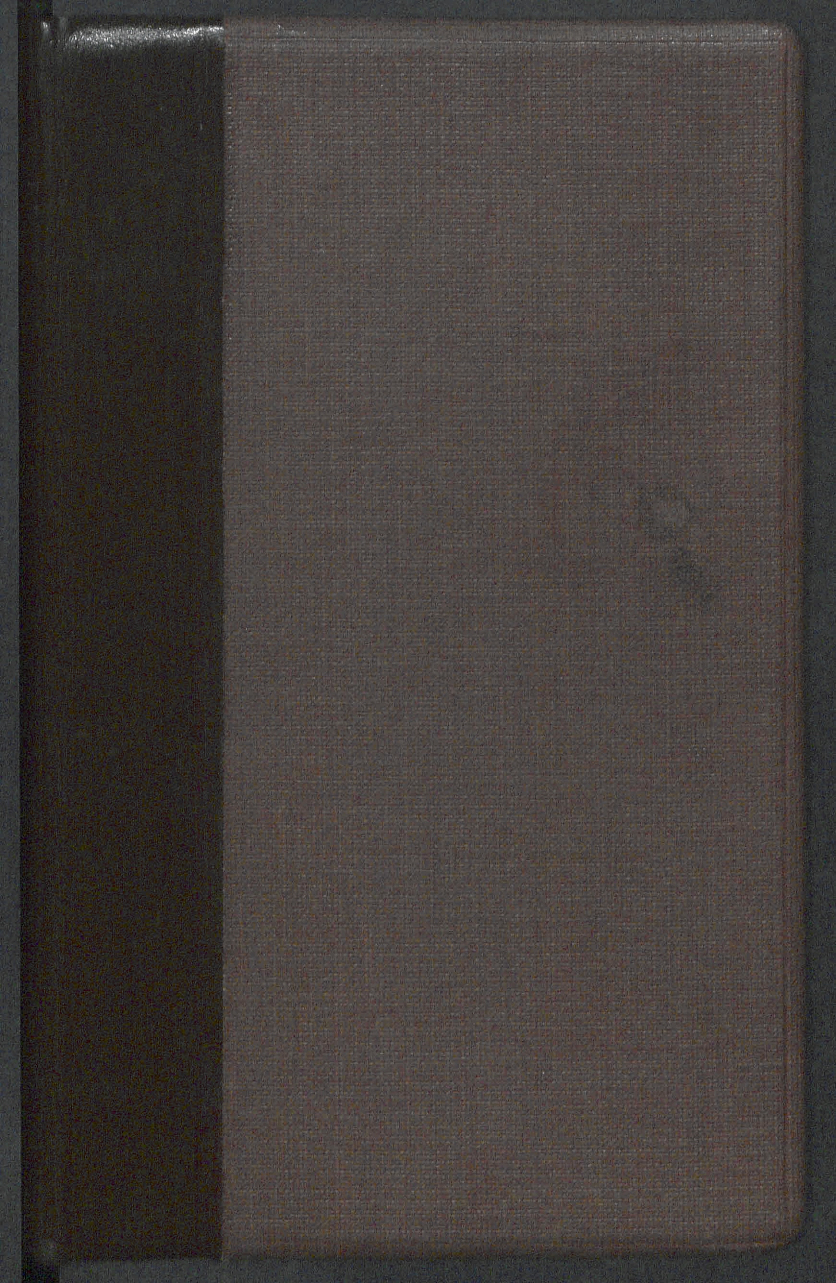

МК

АННА БЕЛЛА

ПОВѢСТЬ

АГЛИНСКАЯ,

СОЧИНЕНІЯ

Г. Д. АРНОДА,

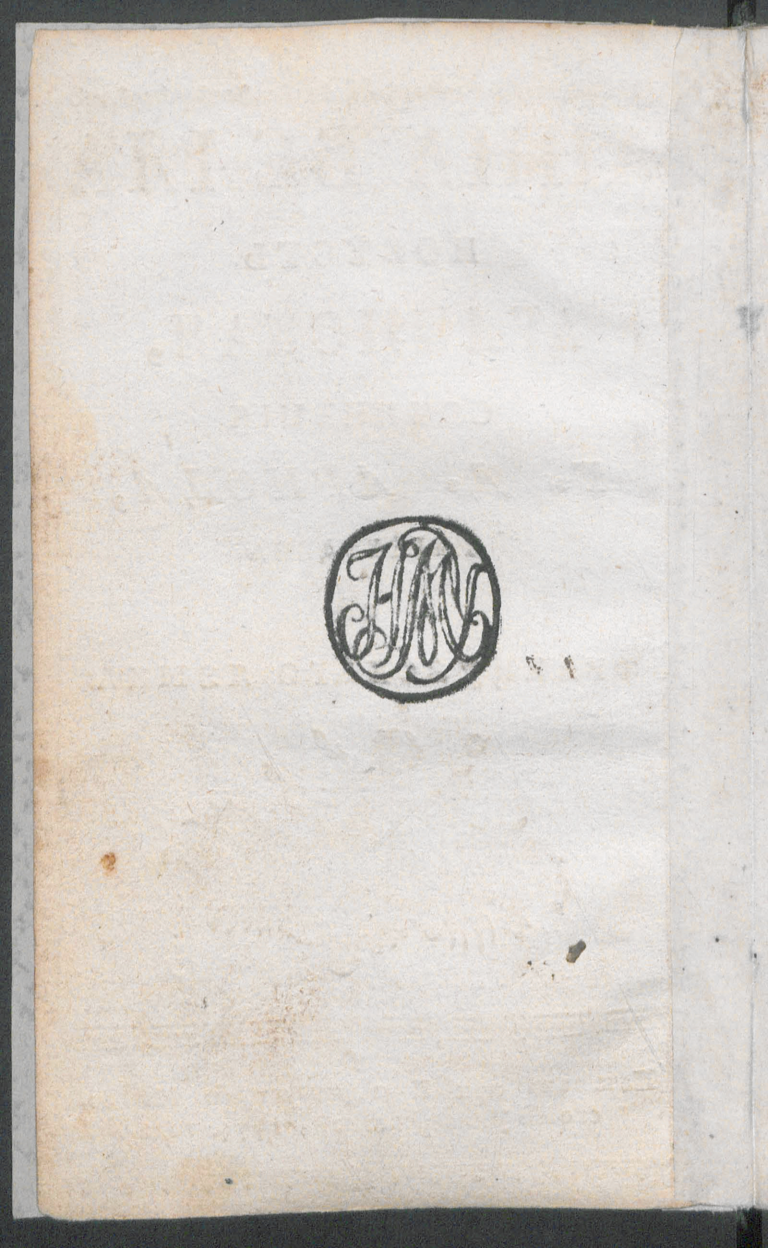
ПЕРЕВЕДЕНА

СЪ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА.

Печатана при ИмператорскомЪ МосковскомЪ УниверситетѢ, 1774. года.

Добродѣтель и честность, требуя отъ молодыхъ людей осторожности противъ опасныхъ уловленія страстей, не менѣе тѣмъ къ должности родителей обязываетъ; имъ надобно умѣрять свою строгость, когда слѣдуетъ наказывать слабости сихъ несчастныхъ жертвъ, неимѣющихъ ни довольныхъ силъ къ рассуж-

денію, ни довольнаго опыта жизни. Власть родительская, какъ сказываютъ, на землѣ есть образъ власти Божеской: не тѣмъ ли самымъ можемъ мы, колико не совершенство наше позволитъ уподобиться существу Всевышнему какъ снисхожденіемъ и отпущеніемъ вины? Часто убѣдительныя доказательства родителей сильнѣе дѣйствуютъ надъ сердцемъ юноши, нежели наистрожайшее наказаніе; симъ послѣднимъ поступкомъ ввергаютъ дѣтей въ отчаяніе и въ такія погрѣшности, которыя бъ могли быть исправлены, вовлекаютъ ихъ въ дѣйствія подлыя и порочныя.

Анна Белла служитъ важнымъ примѣромъ, долженствующимъ обратить взоръ родителей. Къ природнымъ преимуществамъ

ствамъ была она богата, одарена прелестьми, самую красоту превосходящими, и тою чувствительностью, которая паче производитъ удобна огорченія, нежели утѣхи, сколь ни бываетъ въ очахъ другихъ прелестна, столь бѣдственна для того, кто оною обладаетъ. Белла имѣла сердце наполненное нетерпѣливостію любить: блистаніе разума присовокуплялось къ ея чувствованію и красотѣ. Она была образцемъ совершенствъ. Смерть еще отъ колыбели восхитила у нея мать, которая ея обожала: сія потеря служила къ усугубленію ея несчастій; любовь материнская будучи нѣжнѣе отцовской, обуздываетъ строгость своей власти послабленіемъ и ласковостію. Милордъ Дарамби самъ воспитывалъ

 дочь

дочь свою. Она была ему мила, но всегда говаривалъ онъ съ нею тѣмъ повелительнымъ голосомъ, которой устрашаетъ молодость, и болѣе приводитъ ея въ волненiе, нежели исправляетъ; Белла объята была непрестаннымъ страхомъ. Милордъ, къ жестокому своему нраву, имѣлъ неукротимую гордость; онъ почиталъ себя потомкомъ древнихъ владѣтелей острова; никто кромѣ знатнаго Пера Аглинскаго, не могъ посвататься за дочь его, и онъ не сумнѣвался, чтобъ Белла не соотвѣтствовала его повелѣнiю: странное предубѣжденiе родителей, которые думаютъ, что сердце располагается по ихъ волѣ!

Депутатъ не большаго Аильсгамскаго города часто ѣжжалъ къ Милорду; иногда приважи-

валъ

валъ съ собою своего сына; Мисса Белла примѣчала отсутствіе молодаго Синдгама, когда его съ отцемъ не было; она впадала въ задумчивость, и прерывая молчаніе, вопрошала только о молодомъ человѣкѣ; зракъ его слѣдовалъ и во снѣ за нею. Но еще и тогда неизвѣстенъ былъ ей родъ сего чувствованія; не познавала она ничего болѣе, какъ только то, что свиданіе съ сыномъ Синдгамовымъ ей было пріятно; а разлука наносила жестокую тоску. Онъ одаренъ былъ главными естества дарованіями, душу во власти своей содержащими, имѣлъ хорошей станъ, благородныя и привлекательныя черты лицà, глазà изображающіе живность и томность, и ту скромность, которая самую блистательность разума превышаетъ;

етъ; словомъ заключить: имѣлъ онъ во всемъ видѣ привлекательность, всякое изреченіе превосходящую; не доставало ему только мечтательнаго происхожденія, природы и богатства, котораго существо презираемо людьми просвѣщенными. Сіи-то были недостатки важные въ очахъ Дарамбія: но Белла иначе на то взирала. Она совѣтовала только съ своимъ сердцемъ, любовные взоры мало мыслятъ о благородствѣ и фортунѣ: Синдгамъ былъ наилюбезнѣйшей мущина, дочь Лордову сіе одно плѣняло. Но какъ отецъ могъ думать, чтобъ мыслила она о Синдгамѣ? Не воображалъ онъ, чтобъ душа дочери знатнаго родителя восколебалась въ пользу мѣщанскаго сына, будто бы естество устроило столь предосудительной

ной порядокъ, и люди не имѣли права чувствованія и сообщенія другимъ онаго.

Белла ежедневно отдавалась сей склонности, не стараясь познать ея причину. При каждомъ съ Синдгамомъ свиданіи вкушала она новую радость, а лишеніе его присутствія повергало ея въ смущеніе. Сколь основательно изображаютъ намъ любовь съ завязанными глазами! она сама себѣ измѣняетъ: это такой огонь, которой объявляется, произведя ужѐ пламя и пришедъ въ неутушимое состояніе.

Раздѣленіе чувствованій Лордовой дочери съ Синдгамомъ, ускорило ея пагубу; почтеніе къ ней не сильно было къ удержанію въ немъ воспламененія; не могъ онъ взирать на Беллу, не почувствуя трепета, которой

съ трудомъ скрывалъ. Случалось ли ему встрѣчать своими ея взоры, онъ возмущался; въ одинъ день коснулась Лади рукѣ его: Синдгамъ, лишенный чувствъ, упалъ къ ногамъ ея и никто не могъ отгадать причину столь скорой болѣзни. Не замедлилъ онъ покориться скорби его снѣдаемой. Сія злосчастная страсть, которую преодолѣть онъ усиливался, брала верьхъ надъ душею его, и вела его къ дверямъ гроба; отецъ его не имѣя у себя другихъ дѣтей, держалъ его умирающаго на рукахъ своихъ омывая слезами. Сынъ мой, говорилъ онъ ему съ нѣжностію, открой мнѣ свое сердце; болѣзнь твоя происходитъ отъ причины мнѣ неизвѣстной, болѣе шести мѣсяцовъ снѣдаемъ ты унынiемъ, котораго упорствуешь мнѣ от-

открыть силу. Часто усматривалъ я слёзы, изъ глазъ твоихъ пролиться готовые; пролей ихъ въ мое сердце, дражайшее дитя, говори, все мое счастіе принадлежитъ тебѣ, естьли ты хочешь, то отдамъ тебѣ мою торговлю, оставя себѣ только удовольствіе быть твоимъ благодѣтелемъ и другомъ. Ахъ! батюшка, отвѣчалъ молодой человѣкъ, плачучи на груди старика: можно ли умирать отъ желанія быть богату? Батюшка, я только требую продолженія сей любви . . . . которой бы хотѣлъ быть достоинъ, но мое сердце . . . .

Онъ умолкъ по семъ изреченіи, и умножились слёзы его. Нечаянно произносится имя Милорда Дарамбія: отъ сего имени больной возстаетъ отъ гро-

ба, и томно взирая на творителя дней своихъ, которой новыя прилагаетъ объ немъ старанія, паки упадаетъ испустя тяжкой вздохъ.

Онъ упорствуетъ въ открытіи своей тайны; а между тѣмъ противу желанія возвращается къ жизни: можетъ статься надежда быть нѣкогда любиму ободряетъ его; любовь не существуетъ безъ надежды, и сіе то обольщеніе есть источникъ нашего заблужденія.

Трудно изобразить то состояніе, въ которомъ Белла находилась, въ продолженіе болѣзни Синдгамовой; тогда только познала она, что чувствованіе ея терзаемое была наинѣжнѣйшая и сильная любовь; приходили тѣ минуты, въ которые желала она торжествовать надъ слабостію,

внимать разсудку, своей должности, и уступить наконецъ гласу предразсужденія покорствовать ея заставляющему: но силы и подпоры не заимствовала она ни отъ кого, кромѣ себя самой, и все ей измѣняло. Иногда чаяла она, что одно только сожалѣніе побуждало ея освѣдомляться о Синдгамѣ; съ коликою радостію услышала она, что онъ живъ, и она его увидитъ! Таковыя восхищенія довольно бы сильны были къ показанію ей той страстной любови, которую старалась она прикрывать видомъ сожалѣнія.

Синдгамъ едва сталъ обмогаться, пошелъ колеблющимися ногами къ звѣринцу Лорда Дарамбіа, ему были милы мѣста изображающія Беллу. Искалъ онъ того мѣста въ рощѣ, гдѣ она

чаще гуляла; ему казались начертанія стезей ея. Воспоминалъ онъ, что тамъ рвала она цвѣтки, а въ другомъ мѣстѣ стоя въ преспективой, ожидала его приходу; далѣ на берегу канала видалъ ея отдыхающую и воображалъ зракъ ея; всѣ сіи подробности столь для иныхъ мало важныя прелестны для сердецъ, любовью наполненныхъ. Вотъ очародѣяніе первыхъ дней истинной страсти, Синдгамъ избралъ отдаленную аллею. Любви только принадлежитъ вкушать пріятство уединенія. Тогда-то предпочитаемъ мы счастливую задумчивость веселію многолюдства. Сладчайшее уныніе сéрдца влюбленнаго, сколь пріятна твоя сладость! Синдгамъ былъ совсѣмъ въ то вверженъ; душа его до того въ оковахъ содержащаяся,

яся, желала быть свободна; онъ сидѣлъ на дерновой лавкѣ и обѣими руками схватясь за голову, орошалъ землю слезами. Какъ, говорилъ онъ самъ себѣ, я покоряясь той страсти, которую бы долженствовалъ утушать, сколь осудительно и глупо упоминать о томъ, что дѣлаетъ мое преступленіе! Я умираю отъ любви моей, но кто предметъ оной? Особа знатная, дочь Милорда Дарамбія. Какое мое заблужденіе? Чего я могу надѣяться; Белла .... Белла .... сколь владычествуешь ты надъ моимъ сердцемъ! Я бы жертвовалъ своею жизнію, да! жизнію своею, чтобъ только дозволено мнѣ было сказать тебѣ, сколь любовь моя къ тебѣ сильна и почтительна; кто можетъ болѣе меня тебя любить, имѣть мои восхище-

хищенія, ощущать сію пріятность, сіе дражайшее смущеніе, вЪ которое единой взорЪ твой меня повергаетЪ? НадлежитЪ ли быть ЛордомЪ, чтобЪ обожать тебя? АхЪ! для чего я не владѣтель. Коликую бЪ вкусилЪ я радость возвести тебя на престолЪ мой, тебѣ вручить его! ты была бы владычица души моей . . . куда я заблуждаю? Я сынЪ человѣка средняго состоянія . . . я ничего; но Белла все . . НѣтЪ Мисса, нѣтЪ, не нарушу я должнаго тебѣ почтенія. Я буду молчать . . . . я умру; но по крайней мѣрѣ прежде, нежели глаза мои на вѣкЪ сомкнутся, пусть устремятся на твои хотя единую минуту! СиндгамЪ! вскричала Белла, внезапно вЪ сіе мѣсто пришедшая; она молвила только одно слово, отступила

пила назадъ, и упала объята различными движеніями восколебавшими ея душу. Синдгамъ стремится къ ногамъ ея . . . Тайна моя, обожаемая Мисса извѣстна ль вамъ? . . да, я васъ люблю; да, я васъ обожаю; чувствую то, дражайшая Лади, что я дерзностнѣй и виновнѣе всѣхъ, предметъ недостойной взоровъ вашихъ: но чувствую не менѣе того, что вы меня воспламенили и я не въ силахъ повелѣвать собою, удостойте по крайней мѣрѣ обратить на меня тѣ очи, въ которыхъ почерпалъ я любовь причинившую мое преступленіе, будете ль вы столь мало великодушны, чтобъ не простить мнѣ? Нѣтъ не прощайте меня; бѣгите увѣдомить Милорда о моей продерзости. Какъ! мнѣ сгарать вами и вамъ то объявлять!

являть! вамъ говорить о моей страсти! . . . Мисса, я заслуживаю строжайшее наказаніе . . . смерть . . . вы обо мнѣ пожалѣете. . . . Я пожалѣю о тебѣ, прервала Белла, съ пріятною томностью, съ восторгомъ любовнымъ и устремя поражающіе взоры на своего любовника: Синдгамъ . . . Синдгамъ . . . сколь будемъ мы несчастливы.

Белла уже не владѣла сама собою: гордость природы, разсудокъ, благопристойность, добродѣтель, нѣжности покоряются; она открываетъ страсть свою, они сто разъ повторяютъ, что вѣчно будутъ любить другъ друга, и ничто не прерветъ чистаго и нелестнаго чувствованія и предаются наконецъ неизреченному упоенію невинностью возвышающемуся: сердца ихъ отвер-

верзаются, соотвѣтствуютъ и соединяются. Но тогда преступленіе не повредило еще ихъ веселія.

По возвращеніи въ свои покои Белла начала осматривать неосторожность поступка; несчастная, вскричала она, куда вовлекла меня постыдная слѣпота страсти предосудительной? Дочь Милорда Дарамбіа осмѣливается любить того, которой никогда не можетъ быть ея супругомъ! но я еще не преодолѣваю сіе поносное чувствованіе, я его являю! открываю слабость мою предъ виновникомъ оной, что скажетъ отецъ мой? мои родственники и весь Лондонъ? Что я скажу сама себѣ, ежели единую минуту внемлю разсужденію чести? . . . чести! но можетъ ли она защитить меня отъ

отъ прелестей и добродѣтели? Возможно ль не любить Синдгама, съ какимъ почтенiемъ соединяетъ онъ свою горячность! сколь она непорочна! предавшись невозпретительному союзу, мы поставимъ себѣ за пра́вило любить и жить другъ для друга; я не пойду за́-мужъ: отецъ мой не захочетъ быть моимъ тиранномъ и я соглашу должность свою съ любовью, удаляясь отъ всего того, что можетъ оскорбить честь мою и достоинство; чувствованiя не составляютъ ли настоящее благополучiе? Я вижу Синдгама, я его увижу и узна́ю, что онъ меня любитъ, я стану любить его отъ глубины моего се́рдца, и буду благополучнѣе всѣхъ въ свѣтѣ женщинъ.

Вотъ

Вотъ какъ обманываютъ насъ первые движенія страсти; въ то самое время, когда ласкаемся предположить предѣлы, бываемъ столь близки къ безднѣ, что не имѣемъ больше власти возвратиться.

Белла и Синдгамъ часто бывали въ звѣринцѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ открыли они въ первый разъ любовь свою; оное стало имъ мило, видъ поля, тѣнь густыхъ древъ усугубляютъ ихъ горячность, кажется, что въ семъ положеніи душа удобнѣе отдается пріятному упоенію. Двое любовниковъ не знали другаго тогда счастія кромѣ того, которое происходитъ отъ живости чувствованій. Синдгамъ вкушалъ превосходное счастіе, держа ея руки и цѣлуя ихъ осыпалъ цвѣтами, которые Белла

ла срывала, или украшала грудь свою. Въ какомъ восторгѣ нюхалъ онъ ихъ, прижимая къ своей груди: невинныя утѣхи, утѣхи сладчайшія, вы неизвѣстны душамъ отъ обхожденія поврежденнымъ, которыхъ окаменѣлыя чувства неудобны вкушать пріятность и вострепетаніе природою внушаемое; но къ изъявленію существа своего искусствомъ изобрѣтенныя тѣлодвиженія употребляютъ.

Трудно человѣчеству удовольствоватся сею чистѣйшею нѣжностію, самое человѣчество превышающее, Белла и Синдгамъ только оное вкушали; ихъ желанія, лишась нѣкоторой свойственной нѣжности, стали смѣлѣе и стремительнѣе; а ощущенія будучи живѣе довели ихъ до проступка. Неповинность главнѣйшей

нѣйшей даръ небесной отъ нихъ удалилась: они уступили прельщенію лѣтъ, удобству мѣста и обстоятельствамъ. Наконецъ Белла, позабывъ природу, отца, честь, законъ, отдалась поносной слабости, и дочь Лорда Дарамбіа предалась въ объятія Синдгамовы.

По справедливости наказаніе слѣдовало за виною. Сколь ужасной примѣръ для молодыхъ людей неохраняющихся противу слабыхъ любви движеній! Не льзя изобразить, въ какое приведена была отчаяніе Белла, усмотря поразившее ея наказаніе, ужѐ не возможно было ни исправить, ни сокрыть ужаснѣйшей ошибки, оная становилась явною. Она терзаема была непрестаннымъ страхомъ, лишась навсегда того спокойствія, которое

торое и у самыхъ несчастнѣйшихъ не отъемлемо, когда ничто ихъ не упрекаетъ. Изображала она непрестанно отца приносящаго ея на жертву оскорбленной своей чести; слухъ могущей быть разнесенъ о томъ по всему Лондону, наполнялъ ея у́ши, она почитала себя злосчастнѣе и порочнѣе всѣхъ женщинъ, много разъ покушалась она пронзить грудь себѣ, но желѣзо измѣняло; ужѐ ощущала тогда силу любви матерней, и не могла рѣшиться на разлученіе съ Синдгамомъ. Онъ не извѣстенъ былъ, въ какомъ горестномъ молодая Лади находилась состояніи: напослѣдокъ посреди слезъ, стенаній, и ужаса смерти сообщаетъ ему, что скоро будетъ матерью. Какой ударъ для Синдгама! Страшная бездна отверз-

отверзшаяся предъ ногами, его поглощаетъ. Онъ остается угнѣтаемъ скорбїю; принимается за шпагу, не слѣдуя разсудку; и ужѐ обратилъ ея къ своему сердцу. Синдгамъ, сказала ему Белла, подбѣжавъ къ нему и исторгнувъ изъ рукъ шпагу, что ты дѣлаешь? Не довольно ли и такъ я тысячью смертями окончеваю жизнь свою? А ты желаешь отвѣчалъ Синдгамъ въ изступленїи, чтобъ остался жить я одну минуту, погубя тебя и наруша честь твою? Ахъ Белла! я, я твой убїйца! Вотъ воздаянїе за любовь. Источникъ слезъ льется изъ очей его, онъ безчувственъ упадаетъ къ ногамъ дочери Милорда Дарамбїа; но возвращается къ жизни, дабы ввержену быть въ отчаянїе. Дражайшїй Синдгамъ, говорила она ему: печаль

твоя усугубляетъ мои мученія не страшись моихъ укоризнъ: я одна виновна; я позабыла свое состояніе, родителя, честность, самое небо, дабы о тебѣ одномъ помышлять, пусть любовь твоя ко мнѣ заступитъ мѣсто сей потери, пусть она меня одна утѣшать будетъ и буде возможно умѣрять мои страданія, мы хотимъ умереть, Синдгамъ! Ахъ не намъ ли жить должно для сохраненія несчастнаго плода нашей горячности? Ахъ! другъ мой ужѐ имѣю я въ себѣ сердце матернее, не отчаемся убѣдить Милорда; я брошусь къ его колѣнамъ обойму ихъ, орошу своими слезами: его тронетъ мое состояніе. Онъ позволитъ мнѣ называть тебя моимъ супругомъ. Невинная тварь, которую ношу въ своей утробѣ, возопіетъ къ

нему,

нему, родитель мой можетъ ли быть нечувствителенъ? Онъ проститъ мнѣ для младенца нашего.

Белла не имѣла въ себѣ столько твердости, сколько оной вселяла въ своего супруга. Она не была столь смѣла, чтобъ признаться предъ своимъ родителемъ, могла только проливать слёзы и умирать отъ горести. Лордъ Дарамбій часто спрашивалъ о причинѣ, ужѐ готова была она предъ нимъ признаться, и пасть къ ногамъ его; но рѣчь исчезала на устахъ ея, и она оставалась неподвижною. Пришедъ въ свой покой, укоряла себя застѣнчивостью, обѣщая напрягать всѣ силы; но видъ Милордовъ внушалъ въ нее новой страхъ, тѣмъ паче, что услышала она отъ него, чтобъ въ по-

добномъ случаѣ не замедлилъ онъ пронзить грудь своей дочери. Сіи слова̀ означили приговоръ несчастной Беллы: умножалось ея бремя, и она рѣшилась наконецъ оставить домъ родительской, тайно обвѣнчаться и скрытно жить въ домѣ дяди своего мужа.

Отецъ Синдгамовъ умеръ, раззоренъ будучи несостояніемъ своихъ должниковъ. Синдгамъ будучи, такъ сказать, пріемышь своего дяди, почувствовалъ всю тяжесть лишенія родителя и тѣхъ правъ, которыми природа сама пользоваться заставляетъ. Сей немилосердой родсвѣнникъ, жертвуя скупости столь часто къ душѣ купца привязанной, опасался мщенія Лордова и страшась вступить съ нимъ съ ссору, поспѣшалъ изгнать изъ дому своего

его племянника съ супругою, подверженныхъ крайности ихъ бѣдственнаго жребія.

Побѣгъ Беллинъ сколь много оскорбилъ, столько и привелъ въ удивленіе Милорда Дарамбія. Его высокомѣріе и строгость не препятствовали ему имѣть сердце родительское. Всѣ его поиски были тщетны. Онъ подозрѣвая нѣкотораго *Лорда*, пріѣзжающаго въ домъ къ нему въ похищеніи своей дочери, побѣжалъ къ нему въ ярости, *Лордъ* въ томъ оправдался: а Дарамбій не зналъ чему приписать сіе происшествіе, онъ былъ неутѣшимъ. Наконецъ извѣщаютъ его о приходѣ къ нему священника Симпсона, извѣстнаго по его благочестію: онъ входитъ, и проситъ Милорда, чтобъ всѣ служители вонъ вышли. Дарамбій вы-

 славъ

славъ ихъ, сажаетъ сего мужа, имѣющаго видъ почтенной. Милордъ, на́чалъ Симпсонъ, вамъ извѣстно, что долгъ насъ обязываетъ быть истолкователями людей въ печали и несчастіи упопающихъ. Я пришолъ излить слёзы ихъ къ ногамъ вашимъ, и хотя могъ употребить власть святымъ закономъ мнѣ врученную, но здѣсь человѣчество требуетъ вашего снисхожденія, да человѣчество самое вопіетъ къ вамъ устами моими, Милордъ... Богъ прощаетъ, щедрота его превосходитъ его величіе. Дочь ваша - - моя дочь. - - Желаетъ Милордъ обнять колѣна ваши.... Она поражена отчаяніемъ да Милордъ она не пощадитъ жизни своей, чтобъ только получить отъ васъ прощеніе въ ея преступленіи. Прощеніе въ престу-

ступленіи, прервалъ Даримбій, какое бесчестіе? наивеличайшее продолжаетъ священникъ. Лади не мнитъ оправдаться, нижѐ медлитъ признать себя виновною: но единой требуетъ вашей къ ней милости, единому благоговѣнію открываетъ свои слѐзы, стенанія и разскаяніе. Умоляетъ васъ о милосердіи, котораго не отказываютъ наипослѣднѣйшимъ и виновнымъ тварямъ . . . Милордъ. отвергнете ль вы? Дарамбій былъ смягченъ. Какое ея преступленіе, примолвилъ онъ голосомъ пронзительнымъ . . . Я, можетъ быть, прощу. Вы ее простите, отвѣчаетъ Симпсонъ съ восхищеніемъ! не сумнѣвайся Представьте, сударыня. Белла вошедъ съ своимъ супругомъ, бросается къ ногамъ родительскимъ Милордъ: вотъ дочь ваша,

ша, умиракщая отъ печали и раскаянія, она дерзнула вытти безъ вашего соизволенія, а за кого вопрошаетъ съ стремленіемъ Лордъ колебаемъ различными движеніями? Вы видите, ея супруга, продолжаетъ священникъ указывая на Синдгама: да Милордъ! да родитель мой! вскричала Белла проливая токи слезъ. Я учинила преступленіе ужаснѣйшее, стараясь одно исправить; увы! я за то наказана, но Синдгамъ добродѣтеленъ: онъ васъ почитаетъ, мы всегда будемъ вамъ покорны. Мы ваши дѣти: удостойте насъ прощеніемъ. Лордъ во все то время сидящей, погруженъ былъ въ бездну борящихся чувствіевъ, возстаетъ съ скоростію... Сей гнусной мужъ твой! Я думалъ, что Лордъ... Несчастная, бѣги моего присудствія..

Я проклинаю тебя. Ахъ! батюшка, постойте Дарамбій вынимаетъ свою шпагу и хочетъ пронзить Синдгама у ногъ его лежащаго: ранилъ его въ руку и течетъ кровь. Белла бросается между отцемъ и мужемъ. Батюшка! вскричала она, покрыта блѣдностію и разтрепавъ волосы, меня должно принесть на жертву вашей ярости: я одна виновна! я одна смерть заслуживаю, но единой прошу милости, помедлите для того, чтобъ разорвавъ мою утробу, дать жизнь невинной твари … Которая васъ любить будетъ, батюшка, которая имѣя равную со мной горячность, не будетъ имѣть подобныхъ моимъ раскаяніевъ. Лордъ упадаетъ на стулъ, и опамятуясь кричитъ. Еще я тебя вижу! спѣши оставить мѣста тобою о-

безчещенныя, бѣги.... Я буду палачь твой, раздѣляй злодѣйство свое съ виновникомъ онаго; да, я навѣки тебя проклинаю... Подите злодѣи, или вытащу я васъ изъ моего зам́ка. Симпсонъ хочетъ говорить, но Дарамбій налагаетъ на него молчаніе. Белла устрашенная бѣжитъ, потóмъ возвращается, крича голосомъ прерывающимся вздохами. Батюшка! вы проклинаете! Ты не имѣешь отца, отвѣчаетъ *Лордъ*! Всѣ трое вышли объяты неизреченнымъ смущеніемъ. Белла влекома священникомъ лишенна чувствъ умирающа; Синдгамъ съ другой стороны поддерживая ея, ослабѣвалъ подъ игомъ оскорбленія.

Симпсонъ былъ изъ числа тѣхъ рѣдкихъ людей, которые достойны приближаться къ ол

тар

тарю, и которые исполняютъ добродѣтели яко орудіе ихъ должности; подъ его-то покровъ прибѣгнули Белла и Синдгамъ въ надеждѣ, что доказательства его успокоятъ Милорда; онъ тогда самъ препровождалъ ихъ до комнаты сего вельможи. Между ими положено было, чтобъ войти тогда, когда священникъ возвыситъ свой голосъ. Сей почтенный мужъ думалъ, что пришедъ въ счастливую минуту, подвигнетъ къ жалости, убѣдитъ Дарамбія, и можетъ Белла получить прощеніе; можетъ статься, чтобъ любовь родительская одержала побѣду: но оскорбленное Лордово любочестіе, при видѣ такого зятя, каковъ Синдгамъ, истребя возвращеніе горячности, вкушило въ него всю свирѣпость.

Белла трепетала о жизни своего супруга. Симпсонъ не довольствуется объ нихъ сожалѣніемъ, пролитіемъ своихъ купно съ ихъ слезами: но оказываетъ имъ по силѣ своей вспоможеніе, отправляетъ ихъ съ письмомъ къ своей родственницѣ, живущей въ небольшомъ городѣ въ сорока миляхъ отъ Норвиша отстоящемъ; съ слезами объемлетъ своего благодѣтеля. Сія чета, соединенная несчастіемъ и горячностью, идучи путемъ скрытнымъ, гонима страхомъ, удрученна безмѣрными трудами, приходитъ наконецъ къ Мистриссъ Сарѣ.

Симпсонъ получаетъ повелѣніе возвратиться въ замокъ; едва приходитъ къ дверямъ, то Лордъ кричитъ ему: войди, гнусной соблазнитель, войди, я умѣю наказывать людей тебѣ подобныхъ,

ныхЪ! ты долженЪ ожидать всего моего гнѣва, естьли не увѣдомишь меня о дочери недостойной сего имени и вѣроломцѣ ея погубившемЪ: куда они дѣвались? Тогда великая и мужественная душа Симпсона является во всемЪ ея видѣ. МилордЪ, я не соблазнитель, но прибѣжище и утѣшитель несчастныхЪ. *Лади Белла* требовала отЪ меня долгу, закона и человѣколюбія не прежде, какЪ бракомЪ совокупясь сЪ СиндгамомЪ, не безЪ извѣстно то мнѣ, чѣмЪ дѣти должны своимЪ родителямЪ, но когда бы видѣлЪ я вЪ дочерѣ вашей страсть рождающуюся, то несумнѣвайтеся, чтобЪ не употребилЪ я всего служащаго кЪ отвращенію отЪ безды ея поглотившей: я бы предлагалЪ ея совѣты разсудка,

власть небесную, которая, какъ кажется, въ даровавшихъ намъ жизнь обитаетъ: но приведенна къ другому проступку желая загладить первой, совокупленная святымъ союзомъ, словомъ супруга Синдгамова, Лади Белла имѣла надобность, чтобъ простерта была къ ней рука помощи; сіе то учинилъ я Милордъ; я исполнилъ тѣмъ мою должность, и побужденіе; вотъ къ чему сожалѣніе меня подвигнуло, что повелѣлъ мнѣ самъ Богъ; онъ запрещаетъ мнѣ предать злобѣ вашей сихъ несчастныхъ жертвъ; да безъ сумнѣнія Милордъ я знаю ихъ жилище ... но вы объ ономъ не узнаете. Я не узнаю! такъ ты думаешь, что я не укрощу тебя и не сдѣлаю послушнымъ? Вы невырвете изъ меня тайны, продолжаетъ

Сим-

Симпсонъ, съ благородною смѣлостію дѣлайте, что вамъ угодно. Я по крайней мѣрѣ накажу тебя.... мои слуги ...рази! продолжаетъ спокойно Симпсонъ; да не возпрепятствуетъ тебѣ сѣдина волосъ моихъ; я умру; но не измѣню никогда двумъ несчастнымъ, предъ которыми бы должны вы открыть грудь свою. Страшись гласу природы въ своемъ сердцѣ, но ужѐ поздо будетъ уступать ея воплю? Вѣрь мнѣ, нещщетно носится имя родителя; и вы нѣкогда восчувствуете разкаяній, подаждь небо, чтобъ оные не были безплодны!

Дарамбій, пришедъ въ пущую запальчивость, велѣлъ съ бесчестіемъ выгнать сего старика, преодолѣвающаго съ твердостію отъ него поношенія; образъ его по-

поступки доказалъ, что истинное благочестіе самое мужество превосходитъ, и твердость его никогда не ослабѣваетъ.

Мистриссъ Сара была совсѣмъ несходной съ родственникомъ своимъ набожности; оная женщина, почитала себя зерцаломъ совершенствъ христіянкѣ свойственной; она не была причастна слабостямъ, ибо сердце ея паче сродное къ ненависти; нежели къ любви вкушало удовольствіе въ томъ, чтобъ не внимать никакому чувствованію; мужъ будучи долгое время жертвою ея злонравію и гордости. оставилъ ее вдовою съ робенкомъ, котораго мучила она худою съ нимъ поступкою; слѣпо привязанна будучи къ богомоленію не радѣла она о прáвилахъ добродѣтели: она предпочитала

вѣ церквѣ занятіе перваго мѣста вспоможенію несчастныхѣ. По слуху обѣ ней пронесшемся Симпсонѣ заключалѣ о ея смиреніи: вѣ самомѣ дѣлѣ пользовалася она отвсюду почтеніемѣ потому, что наружность и тѣлодвиженія надежныя средства кѣ обольщенію людей: добродѣтель будучи простаго вида не производитѣ удивленіе. Рѣдко, чтобѣ пышность не прикрывалась ложью и мракомѣ.

Духовникѣ увѣдомилѣ Сару о причинѣ принудившей Беллу и Синдгама оставить ихѣ отчизну, она приняла ихѣ не щадя доказательствѣ ихѣ огорчающихѣ и показывая явное отвращеніе отѣ потаенныхѣ браковѣ угнѣтала она сихѣ двухѣ несчастныхѣ. Между тѣмѣ все ея зловредное пустосвятство продолжа-

жалось до тѣхъ поръ, пока было у нихъ нѣсколько денегъ; она не могла жить долѣ съ такими людьми, которыхъ, казалось, Богъ извергнулъ изъ сего свѣта осыпала ихъ жестокостями самое нестерпимое ругательство превосходящее, и принудила ихъ оставить домъ свой.

Беллина беременность умножалась; она воображала отвсюду окружившее ихъ несчастье и крайнюю бѣдность. Какой предметъ для Синагама! Когда бъ былъ онъ одинъ жертвою постигшаго его несчастья, то бъ с[…] твердостію сносилъ онъ угнѣтенія онаго: но предъ глазами своими видѣлъ онъ истончевающую супругу, столь страстно имъ любимую, едва бы знала она нужду и несчастіе, естьли бы не горячность ея къ нему довела

ея

ея къ сей ужасной крайности, которая по недостатку въ насъ Философіи и человѣколюбія влечетъ за собою безчестіе и презоръ, всякое бѣдствіе превосходящее. Никакая твердость не можетъ сопротивляться такимъ гоненіямъ. Синдгамъ не могъ видѣть жену свою, безъ того, что сердце его было пронзаемо тысячью терзаніями; онъ испытывалъ всѣ мѣры честности, дабы изторгнуть себя изъ пропасти напастей, но фортуна и малѣйшей его надеждѣ полагала непреоборимыя препоны. Наконецъ приходитъ день его ободрякщей отъ обыкновеннаго унынія; онъ объемлетъ жену свою: дражайшая Белла! говоритъ ей, прижимая ея къ своей груди: небо престаетъ каратъ насъ; по крайней мѣрѣ не голодъ окон-

чаетъ дни твои. Я могу сохранить жизнь твою, что до меня касается, то я не буду стараться о спасенiи своей, ежели съ оною не будетъ сопряжена той которую я люблю. Ахъ супруга обожаемая! Белла желаетъ узнать, какимъ случаемъ бѣдность ихъ услаждается, но получаетъ смутной и мало удовольствующей ея отвѣтъ: онъ отлучаясь на разсвѣтѣ, возвращался не прежде полуночи, жена его одна ѣдала. Въ одно утро побуждаема любопытствомъ пошла она въ слѣдъ ему; и видитъ его запряженнаго подлѣ животнаго, орющаго плугомъ землю: она остоновляется; приходитъ въ восторгъ удивленiя, и не вѣритъ глазамъ своимъ. Тебѣ не надобно другой помощи, говорилъ Синдгамъ помещику: я имѣю довольно

вольно силы, чтобЪ одному исправить твою работу, и служить вмѢсто многихЪ поденщиковЪ: положись на мою твердость, государь мой, продолжалЪ онЪ, я люблю, люблю жену, обожаемую вверженную мною вЪ нищету: и я болѢе ничего не требую, какЪ нужнаго кЪ ея пропитанію, хлѢбЪ и вода подкрѢплять будутЪ мои горестные дни; лишь бы только не претерпѢвала жена моя: тогда возблагодарю небо.. АхЪ! другЪ мой вскричала Белла бросясь на шею кЪ своему мужу, что я видѢла? Сія ль цѢна моей жизни! Она плачетЪ надЪ СиндгамомЪ, а онЪ жалуется для чего спознала она его тайну! смѢшиваетЪ сЪ ея слезами свои, потомЪ оборотясь кЪ помещику. Ну, государь мой! не имѢю ль причины я усиливаться,

ся, чтобъ труды мои сдѣлать вамъ пріятными? Увы! я причинилъ всѣ ея несчастія: къ тому ль рождена она, чтобъ раздѣлять сомною труды и рабство, дражайшій супругъ! повторяетъ Белла паки упавъ на руки къ Синдгаму, я рождена для того чтобъ любить тебя... Я нахожу въ тебѣ все, не будемъ говорить о великолѣпіи и фортунѣ, позабудемъ сны изчезнувшіе.... Я хочу только о тебѣ мыслить и младенцѣ, которому скоро я дарую жизнь, да будетъ оная не столь горестна, какъ наша! Но Синдгамъ, не могу я пользоваться жизнею стоящею таковой отъ тебя жертвы: я сто крать лучше хочу умереть. Развѣ тебѣ не извѣстна любовь, божественная супруга? Знай, кто умѣетъ любить, тотъ на

все отваживается. Сохрани мнѣ навсегда сердце все мое богатство составляющее. Нѣтъ такого труда и работы, которыхъ бы я снести былъ не въ силахъ. Я омочу землю слезами своими и буду счастливъ, когда любитъ меня дражайшая Белла.

Помещикъ тронутъ былъ столь чувствительнымъ позорищемъ. Дѣти мои, сказалъ имъ, вы меня трогаете; сколь доказываете вы мнѣ бѣдствія малѣйшее счастіе угнѣтающія, и сколь радъ я буду подать вамъ утѣшеніе! Одно только то отъ меня зависитъ, чтобъ Синдгамъ не вдавался въ несносные труды: онъ будетъ мнѣ столько же милъ, какъ родной сынъ мой. Белла изъявляетъ ему благодарность, живность чувствіе и возхищеніе доказывающую. Томъ

такъ

такъ звали помещика, приглашаетъ ихъ къ своему обѣду: сей почтенной старикъ изображалъ еще цвѣтущіе дни природы, которые почтенная древность изчисляла паче добродѣтельми и дѣйствіями благочестивыми нежели годами. Огнь кротости пылалъ въ глазахъ его, а чело сѣдиною украшенное изъявляло спокойствіе и величество соединенное съ древностію въ благочестіи упражняющейся. Белла и Синдгамъ откровенно разсказали ему свою неосторожность и несчастіе. Томъ соотвѣтствовалъ ихъ чистосердечію: онъ отверзъ имъ руки и прижималъ къ груди своей съ восхищеніемъ извѣстнымъ только душамъ не поврежденнымъ городскимъ обращеніемъ съ нечестивыми.

Лордъ Дарамбій старался забывать о лишеніи своей дочери; сердце его, изгнавшее любовь родительскую, стремительно отдалось любочестію; онъ возведенъ будучи на первѣйшую степень достоинства, жилъ вмѣстѣ съ сестрою подкрѣпляющую его мечтаніи о знатности и чинахъ: Имѣя право послѣ его къ наслѣдству, старалась она наипаче удалить отъ него все то, что приводило ему на память нещастнѣйшую Беллу. Сіе одно довольно сильно было къ возбужденію въ немъ ненависти и утушенію тѣхъ побужденій горячности, которыя рѣдко истребить можно, и которыя непрестанно заставляли чувствовать Милорда сколь радости отъ гордыни происходящія отстоятъ далеко отъ пріятныхъ природы

дви-

движенiй. Какой степень поистиннѣ, какой титулъ съ равняться можетъ съ родителемъ и сколько прiятствѣ присоединено къ сему имени и повторенiю онаго въ глубинѣ сердца?

Такое бы счастливое разположенiе умягчило суровость части Синдгамовой. Белла произвела на свѣтъ сына паче узелъ любви ихъ укрѣпляющей. Онъ возрасталъ въ нѣдрахъ душъ ихъ, казалось, что сiе дитя своими ласками старалось утѣшать своихъ родителей, и удовлетворить строгости ихъ злополучiя. Иногда Синдгамъ бралъ его къ себѣ на руки и цѣловалъ обливая слезами. Дорогое дитя, говорилъ онъ ему, какой далъ я тебѣ подарокъ, давъ жизнь? Какое будетъ твое наслѣдство? Ахъ, несчастный! ты жмешь меня

ня своими нѣжными руками....
я не отецъ твой; а твой убiйца! По сихъ словахъ умножились слезы его. Какъ! прервала супруга его, дражайшiи мой Синдгамъ. Наинѣжнѣйшiй супругъ, не будетъ лучшей отецъ! Сынъ нашъ извинитъ намъ наше гнусное состоянiе, отъ насъ научится терпѣть и любить, онъ смѣшаетъ съ нашими свои слезы. Ахъ! другъ мой, но не онъ ли причиною нашихъ несчастiй?

Томъ тщился умягчить суровость ихъ доли; бывали тѣ минуты, въ которыя вкушали они радости отъ непорочности произходящiя: часто Белла хотѣла помогать въ работѣ своему мужу, перестань говорилъ онъ ей, отталкивая ея съ нѣжностiю, Синдгаму прилично раздирать нѣдра землй, орошать

ея потомъ: но чтобъ Лади Дарамбій . . . . нѣтъ, фортуна не доведетъ насъ до сего уничиженія: я уничтожусь, отвѣчала Белла, преставъ любить тебя, не единая ль душа въ насъ? Для чего не раздѣлять мнѣ съ тобою попеченій? Сіи труды мнѣ сносны, я нахожусь подлѣ тебя, я тебя вижу, и ты мнѣ день отъ дня становишься миляе. Она сама принесла къ нему обѣдъ ею изготовленной; сынъ ихъ сидѣлъ посреди ихъ, они съ нѣжностью глядя на него, цѣловали. Синдгамъ, вскричала Белла, Лади Дарамбій, можетъ статься, не вкушала бы сего сладчайшаго удовольствія; не будемъ тужить о богатствѣ, чинахъ; сожалѣю я только объ отцѣ своемъ. Увы! для чего онъ не простилъ насъ? Но я обрѣтаю увеселеніи, повторяю

торяю тебѣ оное въ ту самую минуту, когда я бывая подлѣ тебя, непринужденно могу сказать, что тебя люблю, и что любовь моя будетъ жить въ моемъ сынѣ: я наисчастливѣйшею изъ всѣхъ женщинъ себя почитаю, руками моими изготовлена тебѣ сія простая пища; мы не окружены злочестивыми ни ложными друзьями; мы живемъ другъ въ другѣ, любезное наше дитя составитъ наше утѣшеніе. Синдгамъ, онъ будетъ имѣть къ тебѣ нѣжность своей матери. Въ самомъ дѣлѣ сія столь рѣдкая, столь почтенная жена, казалось, внушала въ сына своего нѣжность не многимъ душамъ свойственную; едва могъ онъ движиться, то ползъ къ отцу своему, онъ усмѣхался, простиралъ руки къ нему, отиралъ

потъ съ лица его лiющейся, когда возвращался онъ въ свою хижину, и цѣловалъ его съ горячностью, родительское сердце восхищающую.

Синдгамъ и Белла, казалось, въ добродѣтельномъ помѣщикѣ нашли отца. Онъ пользовался спокойствiемъ, миромъ душевнымъ и почтенною бѣдностью, они бы предпочли свою хижину великолѣпнымъ чертогамъ, цѣломудрiе и чистая любовь между ихъ обитали, сiи два супруга позабыли о всей селенной, видѣли только себя и благодѣтельствующаго Тома, словомъ: не вспоминая болѣе о прошедшемъ ихъ состоянiи мыслили о настоящемъ; но и сiе столь малое, столь не завидное счастiе прервалось, и доска спасающая ихъ отъ кораблесокруше-

шенія была изторгнута изъ рукъ ихъ. Надлежитъ быть весьма тверду въ законѣ, дабы не вѣрить, что есть существа сотворенныя для пораженія несчастіемъ, не ужѐ ль фортуна злый духъ, которому Богъ предалъ во власть міръ сей?

Томъ покорялся удрученіямъ старости. Онъ впалъ въ не́мощь отъ самой смерти мало отличающуюся. Сынъ его Ришардъ вступилъ въ правленіе его откупа: тогда то изчезли спокойные дни Синдгамовы и Беллины премѣнился ихъ жребій, настали ежедневныя злоключенія, ва́рварствомъ злаго начальника, почитающаго равно съ скотами людей ему подвластныхъ. Синдгамъ исчезалъ подъ бременемъ, а Белла воспитанная въ нѣжности старалась раздѣлять труды сво-

его мужа, сей несчастный отецЪ для ободренія силЪ своихЪ иногда сажалЪ сына своего на край бороздЫ; они почитали его непрестаннымЪ предметомЪ награждающимЪ труды ихЪ, иногда оставляя работу, лобызалЪ онЪ сЪ слезами жену свою, а сей младенецЪ, казалось, сочувствовалЪ несчастіе своихЪ родителей, какое позорище! Надобно чтобЪ РишардЪ имѢлЪ сердце желѢзное, чтобЪ не быть подвигнуту кЪ сожалѢнію. ВЪ одинЪ день Белла обЪята жесточайшею печалію бросилась кЪ ногамЪ его: милостивой государь, говорила она ему задыхаясь отЪ слезЪ и вздоховЪ, прошу васЪ для человѢколюбія, для имени самаго Бога, умягчить работу, на мужа моего налагаемую. Увы! рўки мои слабы подáть ему помощь,

я женщина, и не была воспитана, примолвила она проливЪ слезЪ токи, кЪ снесенію столь нестерпимыхЪ трудовЪ. Что ты мнѣ говоришь, отвѣчаетЪ сЪ грубостью немилосердый РишардЪ? Ты не для трудовЪ воспитана! Думаешь ли ты, что я напрасно вамЪ буду платить деньги? Каждой обязанЪ исправлять свою должность; мужЪ твой молодЪ: вЪ его лѣта кЪ трудамЪ привыкаютЪ; за ту цѣну, что онЪ мнѣ стоитЪ, я куплю пару воловЪ, которые больше мнѣ сработаютЪ. Но милостивой государь, ежели я лишусь его! Ну! ежели онЪ умретЪ у меня; будутЪ намѣсто его другіе работники. АхЪ, ТомЪ! вскричала Белла пошедЪ отЪ него, ТомЪ ето ль сынЪ твой? Она несетЪ свое отчаяніе кЪ сему почтенному

старику, которой ожидаетъ на одрѣ пришествіе смерти: но возвращается на нѣсколько времени къ жизни, чтобъ быть тронуту состояніемъ сихъ несчастныхъ; онъ сберегаетъ послѣднія издыханія на укореніи сына своего за безчеловѣчіе -- Ришардъ, ты ли позабылъ мои ученія и примѣры? Можешь ли ты до такой степени терзать людей несчастныхъ, сынъ мой, тѣхъ самыхъ, которые были бъ наши повелители? Они открыли мнѣ о своемъ достоинствѣ: они заслуживаютъ твое къ нимъ уваженіе, почтеніе. Почтеніе батюшка! я обѣщалъ имъ заработныя деньги, естьли только будетъ мнѣ полезны....Съ симъ благороднымъ соболѣзнованіемъ видите вы, какова ваша кончина, вы умираете въ бѣдности. Ришардъ,

шардЪ, я умираю не чувствуя угрызеній совѣсти, и наполненЪ упованія на щедроту Божію. Благодать его да смягчитЪ тебя и проститЪ свирѣпство твое кЪ роду человѣческому! Наносящей ему обиду, самое небо обижаетЪ, и рано или поздо оно за то отомщеваетЪ, сынЪ мой, первѣйшее преступленіе вЪ очахЪ его сіе безчеловѣчіе... которымЪ ты похваляешься: ахЪ! злодѣй, ты мнѣ произаешь сердце.

ТомЪ минуту потóмЪ изпустилЪ духЪ сЪ покаяніемЪ честному человѣку и истинному Христіянину свойственнымЪ, возводя взоры свои кЪ Богу, источнику всѣхЪ благЪ и добродѣтелей. Злонравный РишардЪ не медлилЪ исправить погребеніе, СиндгамЪ и его супруга каждой

день съ слезами сокрушенія воспоминали о своемъ благодѣтелѣ. Лишеніе его умножило ихъ страданія умноженіемъ жестокости ихъ новаго хозяина. Синдгамъ ослабѣвая отъ работы тщетно повторялъ слова сіи: для супруга и сына я работаю; Любовь не могла подкрѣплять долѣе природу. Белла обрѣтаетъ Синдгама лежащаго почти во рву съ преклоненною къ колѣнямъ головою, въ несносномъ изнуреніи: супруга моя, говоритъ ей утомленнымъ голосомъ все свершилось, вотще удалялъ я отъ себя минуту моего разрушенія, вижу уже приближеніе оной; ты вѣдаешь, сколько ты и сынъ мой послѣ меня остающейся мнѣ милы; ты увѣрена, что употреблялъ я неудобныя силы къ преодолѣнію трудовъ безчеловѣчнымъ

нымъ Ришардомъ мнѣ опредѣленные. Но . . . я не могу болѣе сопротивляться. По сихъ словахъ Белла испускаетъ вопль и бросается въ руки своего мужа; онъ продолжаетъ: Дражайшая моя Белла! ты ужѐ обьемлешь одно тѣло, которое скоро оледенѣетъ; увы! съ какою мучительною умираю я мыслію! кто будетъ стараться о сохраненіи дней твоихъ, и сына нашего? Что съ тобою станется? О боже мой, знать велики мои прегрѣшенія, когда наказуешь ты меня съ толикою строгостію! Въ семъ мѣстѣ остоновясь паки продолжаетъ: старайся другъ достойный, преодолѣвъ скорбь свою, меня выслушать: какъ скоро сомкнешь ты глазà мои . . . любезная супруга, надобно перенести ударъ сей, отпиши къ Милорду,

 спѣши

спѣши съ симъ младенцомъ у ногъ его просить родительской горячности. Белла, я отецъ... Не сумнѣвайся, Милордъ смягчится, онъ проститъ тебя: не будетъ болѣе виновника его досады, ужѐ буду я во гробѣ; говори ему о безконечной моей прискорбности, нанесши ему обиду, послушавъ любви своей, вовлекши тебя въ бездну, въ которую бъ ты не должна была пасть; увѣрь его о моемъ разкаянiи, скажи ему, чтобъ меньше былъ я несчастливъ умирая, когда бъ могъ исправить мою погрѣшность... Увы! супруга моя обожаемая, чрезъ меня узнала ты трудность, уничиженiе, рабство и изнуренiя за бѣдствiемъ послѣдующiе! Белла... Любовь учинила меня виновнымъ. Синдгамъ, вскричала она, я тебя ли-

шусь

шусъ! ты для меня умираешь!..: Синдгамъ! ты отъ меня похищенъ будешь! Мнѣ надлежитъ умереть! ты будешь жить, и найдешь меня въ семъ младенцѣ. Когда лишенъ онъ отца, какой долженъ ожидать помощи? Гдѣ друзья наши? -- Ахъ, дражайшій супругъ! удали отъ себя ужасной образъ смерти: можетъ быть небо будетъ тронуто нашими несчастіями -- Суетное упованіе; я покоряюсь неисповѣдимымъ судьбамъ его; Белла, оно исчислило дни мои, сей есть послѣдней, въ которой я тебя вижу, и могу сказать, ежели чувствованія наши не скончаются .- . Что не престану обожать тебя. Нѣтъ, Белла, душа Синдгамова лишится бытія своего, не будучи преисполнена любви непрогнѣвляющей Творца

Все

Всевышняго, она столь чиста, утверждена добродѣтелью, закономъ, несчастіемъ!... Поднеси ко мнѣ сына; я его еще обойму. Ахъ! несчастный какой оставляю я тебѣ жребій!

Синдгамъ прилеплялъ умирающіе уста свои то къ сыну, то къ женѣ своей. Белла хочетъ говорить: но не можетъ болѣе, какъ только прижимать его своими руками съ трепетомъ безпорядокъ души изъявляющимъ. Дражайшая супруга, говоритъ Синдгамъ, возьми прочь отъ меня сіе дитя, присутствіе его умножаетъ ужасъ моей смерти: я о Богѣ единомъ теперь пекуся; не ужѐ ль гнѣвъ его послѣдуетъ и во гробъ за мною? Не надобно мнѣ искать другой могилы, я здѣсь ее нашелъ. Прощай, живи, дабы меня оплакивать,

дабы горячность сына воспоминала любовь отцовскую. Белла подойди! ... Я чувствую, что умираю.

Жена его побуждаема вдругъ двумя различными движеніями: отходитъ на нѣсколько шаговъ, стараясь доставить ему вспоможеніе, но возвратясь падаетъ съ сыномъ къ ногамъ несчастнаго и ужѐ испустившаго духъ Синдгама.

Белла отверзаетъ очи, видитъ подлѣ себя сына своего, въ гнусномъ ихъ жилищѣ; работникъ откупщиковъ тронутъ сожалѣніемъ, старается утѣшать ее, гдѣ мужъ мой, возопила она, гдѣ Синдгамъ? Какъ отвѣтствуетъ плачучи работникъ, развѣ не помните вы съ вами случившагося! Ужѐ нѣтъ на свѣтѣ Синдгама, и я имѣю повелѣніе отъ

госпо-

господина объявить, что вы ужѐ не надобны ему болѣе для услугъ. Сiй слова̀ поразили несчастную наподобiе громовымъ стрѣламъ, она паки упадаетъ въ обморокъ и приходитъ въ чувство для того, чтобъ умереть у могилы своего мужа. Жалостливый работникъ напоминаетъ ей о сынѣ, которой, казалось, дѣлилъ съ нею стенанiя; наконецъ Белла съ суровостью выгнана нечувствительнымъ Ришардомъ, несклоняющимся ни на ея вопль, ни на состоянiе, она избираетъ себѣ убѣжищемъ скудную корчму въ нѣсколькихъ миляхъ отъ деревни отстоящую: изъ сего то мѣста отправляетъ она къ отцу своему письмо изъясняя въ ономъ всѣ постигшiя ея злоключенiя.

Милордъ Дарамбій съ давняго ужѐ времени ощущалъ скуку, и угрызающее уныніе къ жизни придворнаго человѣка присоединенное, въ пышности чаялъ онъ погасить горячность родительскую; но день отъ дня болѣе сожалѣлъ о лишеніи своей дочери; иногда поспѣшно оставляя бесѣды, одинъ плакалъ, произнося громко имя Беллино; онъ обвинялъ самъ себя въ безчеловѣчіи. Продолженіе старости заставляетъ искать насъ такихъ людей, въ которыхъ, кажется, мы оживотворяясь, зримъ образъ нашей молодости; и умирая на рукахъ жизнь отъ насъ получившихъ, кажется, самую смерть обмануть стараемся. Вдохновенныя родственницею чувствованія не столько сильны, чтобъ могли изтребить напоминаніе о доче-

дочерѣ: сестра становится ему въ тягость, при единомъ имени Беллиномъ оказывала она свое отвращенie! письмо сей злополучной жертвы попалось ей въ руки; но она не отдала онаго своему брату, которой наскуча ея гордостью, а паче ненавистью противу его дочери, почувствовалъ къ ней всю холодность и презренie, а наконецъ и принуждены они были разстаться.

Дарамбiй въ неизвѣстности о судьбинѣ Беллиной, и не могши болѣе противуборствовать тоскѣ его снѣдающей: въ бесѣдованiи съ человѣкомъ, которому на несѣ столько озлобленiя, хотѣлъ искать свое утѣшенie. Пусть припомнятъ, что Милордъ обесчестилъ священника Симпсона; но сей честной старикъ

рикъ тѣмъ не меньше былъ утѣшитель и подпора несчастныхъ; не роптал онъ противу Дарамбіа, но объ немъ соболѣзновалъ, сохраняя непоколебимую добродѣтель, отъ которой счастіе и твердость душй проистекаютъ. Милордъ прислалъ его къ себѣ просить, Симпсонъ приведенъ былъ симъ позывомъ въ удивленіе, но не медлитъ принять намѣреніе; онъ бѣжитъ въ за́мокъ, едва Лордъ его увидѣлъ. - - Приближся, мужъ почтенной, приближся, говоритъ ему, меня должно присутствіе твое привесть въ безпорядокъ; но надежда исправить мои погрѣшности и твое великодушіе ободряютъ, что ты удостоишь меня своихъ взоровъ; Симпсонъ! сбылось твое предсказаніе теперь: ужѐ я сталъ прямой отецъ, но

но огорченной и несчастнѣйшій всѣхъ въ свѣтѣ; не можешь ли ты мнѣ подать извѣстія о моей дочери? Въ какомъ она состояніи? Ахъ! пускай она сюда придетъ! все имъ прощаю; мужъ ея будетъ сынъ мой. Пусть спѣшатъ они ко мнѣ въ объятіи. Слезы льются изъ очей священниковыхъ. Милордъ, съ коликою радостію обрѣтаю въ васъ сердце родительское! въ сей счастливой премѣнѣ познаю чудеса провидѣнія.

Милордъ, возвращается все мое благополучіе, когда природа и законъ подвергнули васъ подъ свое владычество, не скрою отъ васъ того, что дочь вашу и ея супруга ввѣрилъ я сестрѣ своей, которая потомъ писала ко мнѣ, что они ея оставили, и не знаетъ, куда сокрылись. Я пот-

потщусь освѣдомиться и извѣщу васъ. Ахъ! Симпсонъ, она въ горести. Белла ежедневно укоряетъ меня ва́рварствомъ; она меня любить не станетъ, но можетъ быть, что ужѐ я виновникомъ смерти моей дочери. Прошу тебя, подай мнѣ яснѣйшее извѣстiе о ихъ судбинѣ, я столько буду тебя благодарить, колико былъ до сего безчеловѣченъ и несправедливъ. Симпсонъ .... Ты простишь меня, сего опыта ожидаю я отъ твоего благочестiя и добродѣтели, онъ объемлетъ священника, которой отвѣтствуетъ лишь слезами, происходящими отъ души избыточествующей чувствительностiю и благотворенiемъ.

Духовникъ пишетъ къ Мистриссъ Сарѣ, чинитъ поиски; старанiи его остаются безъ успѣха

пѣха; но не взирая на то, становится онъ искренный другъ Дарамбію, пользуется его благодѣяніями, и провождаетъ цѣлые сутки въ его за́мкѣ. Всѣ ихъ бесѣдованіи имѣли Беллу предметомъ, желаніе ея найтить и печаль о лишеніи ея были два чувствованія, наполнившіе ду́шу сего несчастнаго родителя.

Белла не получа отвѣта на письмо, удержанное жестокосердною ея родственницею, не сумнѣвалась болѣе, что Милордъ Дарамбій навсегда закрылъ для нея свое сердце, тогда то предалась она жесточайшему отчаянію, сама будучи матерью, немогла она думать, чтобъ можно было быть неупросимымъ родителемъ противу дѣтей своихъ: какъ говорила она сама себѣ, взирая

рая глазами слезъ наполненными на своего сына, можетъ столь дражайшая часть самыхъ насъ кромѣ любви вдохнуть иное чувствованіе? Ахъ! батюшка, не ужѐ ль нѣтъ предѣлу твоей ненависти? Мечтался часто взору ея Синдгамъ; она къ нему обращала свои стенанія, властно какъ бы онъ существовалъ, и былъ въ ея объятіяхъ. Умножившаяся скудость понудила ея требовать народнаго сожалѣнія. Какое состояніе! дочь Лорда Дарамбіа первѣйшего вельможи Аглинскаго, приведена до того, чтобъ просить кусокъ хлѣба! читатель лехко почувствуетъ, что сердце матери одной удобно къ преодолѣнію человѣческой гордыни, сей пышности душѝ, столь нужной качеству суще-

 ства

ства нашего, и къ перенесенію столь поносныхъ гоненій несчастія. Нѣтъ сумнѣнія, чтобъ Белла не предпочла стократъ охотнѣе потеряніе жизни сему зрѣлищу своего бѣдствія: но когдабъ отдавшись изнуренію не имѣла довольно твердости сносить жизнь, чтобъ произошло съ сею бѣдною тварью, непрестанно ея лобзающую и обливающую своими слезами? О матери, читающіе сію повѣсть, вашимъ сердцамъ свойственно судить о страданіяхъ, Беллу терзающихъ; да не постигнутъ васъ столь злобные несчастій и уничиженіе.

Въ одинъ день сія жертва дышущаго на нея злобѣдствія преходила обширное кладбище; усталость, а можетъ быть и усугу-

сугубленіе унынія при зрѣлищѣ мѣстъ принудили ея остановиться; она сѣла подъ сводомъ древняго монумента, убѣжище смерти изображающаго. Все представляло тамъ ужасное напоминаніе, и мысль о нашемъ разрушеніи. Далѣ подъ земнымъ ходомъ видно было множество гробницъ и ровъ наполненной обломками гробовъ, и составовъ тѣлъ мертвыхъ; здѣсь то Белла представляетъ всю печаль свою; сынъ ея сидитъ подлѣ нея; она пребываетъ нѣкоторое время въ изступленіи, но потомъ вставъ бѣжитъ къ могилѣ; вся душа ея прилѣпляется къ сему страшному видѣнію: тысячу размышленій, тысяча горестныхъ чувствій, умноженіе отчаянія подкрѣпляютъ ея предпріятіе;

ятіе; она зритъ себя окруженною, судьбиною всѣхъ смертныхъ постигающею; представляетъ вѣчной покой, и соединеніе праховъ, чрезъ времена поздныя; повсюду слышитъ гласъ смерти ея зовущей, говорящей ей, что посредствіемъ только ея избавляются отъ тягости родъ человѣческой угнѣтающей. Кажется, что взоры ея измѣряютъ пространство сего рва безконечнаго: она вскричала побуждаема чрезъестественнымъ движеніемъ: Не я ли вижу бездну всѣхъ людей поглощающую? Въ чѣмъ состоитъ мое намѣреніе по исходѣ изъ мѣстъ сихъ? Ношеніе жизни бѣдственной, и постыдной! требованіе милостыни; какое слово произнесла я, милостыня уничижакщая .... Не

дол-

должно надо мной сжалится! Для чего въ ровъ сей не свергнуть мнѣ тяжкое бремя жизни столь нестерпимой, небомъ самимъ отверженной? Конечно оно препровело меня сюда; оно наконецъ надо мною умилосердилось. Являются мнѣ его неисповѣдимости; оно хочетъ, чтобъ пресѣклась бѣдность моя, да, оно предположило мнѣ предѣлъ на краю рва сего; я не пойду далѣе. Такъ здѣсь умру я, все для меня кончится, исчезнетъ сонъ ужастный!... О Боже мой! столько ли бесчастно будетъ мое возстаніе? Зжался надъ моею скорбію; но не прогнѣвляю ли тебя, стараясь предускорить приближающуюся ко мнѣ минуту.. По крайней мѣрѣ избѣгну я новыхъ поношеній; ежели заслу-

жила гнѣвъ твой, Боже мой, то не довольноль я наказана? Да, безъ сумнѣнія, смерть единая мнѣ твоя щедрота, пріемлю ея; кинусь... А сынъ мой!... Кто будетъ ему вмѣсто матери?... Она останова.яется и продолжаетъ въ безпорядочномъ изступленіи; а для чего не повлеку и его за собою въ ровъ сей! для чего и ему не умереть? Къ чему потребна жизнь снѣдаемая печалью, окруженная бесчестіемъ, уничиженіемъ, зависимостію нестерпимой отъ другихъ? Ахъ! сынъ мой, такъ ли существовать намъ должно? Такой ли жребій приличенъ крови Милорда Дарамбіа; но не должно ли намъ получить конецъ и умереть тебѣ подобно какъ несчастная мать твоя? Увы! ты будешь укорять меня за твое рожденіе... Мы

тѣ злополучные, которыхъ бѣдствія паче соединяютъ, нежели кровь; ну, погибнемъ вѣмѣстѣ.

Она подбѣжавъ къ сыну своему, и схватя его несетъ къ могилѣ; онъ испуская ужасной крикъ съ восхищеніемъ прицепляется къ матери; она воззрѣвъ на него, и испустя слезъ токинетъ; милое дитя, я не лишу тебя жизни; кто? я! истребить то, что напоминаетъ мнѣ дражайшаго Синдгама! Живи, я напою тебя своими слезами, накормлю ... сердцемъ своимъ; ты будешь жить ... будешь жить для того, чтобъ сожалѣть обо мнѣ, и любить меня. Великій Боже, да пройдутъ его несчастія, а мученія мои, да продолжатся до послѣдняго моего издыханія!

Белла возвратясь къ монументу пала цѣлуя своего сына; но стенанія пронзаютъ слухъ ея: жалостный вопль, кажется, происходитъ отъ умирающаго человѣка, Белла, приведенная въ боязнь, хочетъ удалиться сего мѣста; но слышитъ новыя стенанія; сожалѣніе превозмогаетъ въ ней страхъ: она проходитъ мимо одной гробницы, откуда слышны были въ безпорядкѣ, произносимыя жалобы, и видитъ человѣка простершагося на камнѣ, закрывшаго лице руками и почти ужѐ издохшаго. Белла движима сожалѣніемъ идетъ нѣсколько шаговъ почерпнуть воды изъ источника, и старается возвратить жизнь сему незнакомцу. Онъ пришедъ въ память подъемлетъ голову; но какое зрѣли-

зрѣлище представляется глазамъ Беллы? Сынъ Томовъ! Сей немилосердой Ришардъ, умертвившей Синдгама подъ тягостію работы, изгнавшей съ жестокостію Беллу съ сыномъ изъ деревни. Какъ! это ты подаешь мнѣ помощь, сказалъ Ришардъ томнымъ голосомъ. Небо! продолжаетъ онъ, предъоставило мнѣ наказаніе быть обязану той, которой нанесъ я оскорбленія. Когда бъ ты мнѣ дала чего поѣсть.... Я ужѐ не вкушалъ пищи цѣлые два дни и умираю отъ голода. Тогда Белла находясь между удивленія и соболѣзнованія ломаетъ на двое кусокъ хлѣба для сына изготовленной. Это ты Ришардъ! Въ какомъ состояніи! Я позабываю причиненные тобою мнѣ напасти. На! раздѣли этотъ кусокъ хлѣ-

ба съ моимъ сыномъ; сіе одно вспоможеніе дозволяетъ мнѣ тебѣ оказать мое скорбное состояніе. Вотъ Ришардъ, до чего довела насъ твоя неукротимость! Но по какому приключенію впалъ ты въ такое несчастіе? Сколь много я о тебѣ сожалѣю, и сколь досадно мнѣ, что не могу быть тебѣ полезною? Я бъ симъ желала отдать долгъ отцу твоему... Отецъ мой, отвѣчаетъ Ришардъ, съѣвъ кусокъ хлѣба, данной Беллою: предвозвѣщалъ, что небо покараетъ меня за безчеловѣчіе; оно мститъ мнѣ своимъ правосудіемъ; платитъ мнѣ за Синдгама, и за тебя; алчность учинила меня суровымъ и не жалостливымъ; я хотелъ обогатиться не позволенными путями: но открыто

ста-

стало мое бездѣльство, отняли у меня откупъ, и хотятъ заключить въ темницу. Не довольно было сихъ для меня ударовъ: воры лиша меня и малаго стяжанія, оставили сіе рубище, меня прикрывающее. Я лишенъ всякой помощи, трепещущъ наказанія отъ рода человѣческаго и угрызаемъ совѣстію оканчеваю жизнь не надѣясь получить отъ неба прощенія, столь много его прогнѣвляя. Ты, которая сносила неслыханныя отъ меня изнуренія, ты бы должна наслаждаться зрѣлищемъ моего плачевнаго состоянія; но ты единое созданіе на земли, оказывающее мнѣ помощь. Великодушная женщина! Ежели Богъ внимаетъ моленію грѣшниковъ, то да наградитъ тебя за твои до-

бродѣтели! Мнѣ споснѣе покажутся тогда муки. Белла проливала слёзы, а Ришардъ продолжаетъ: единой требую отъ тебя милости простить меня, и упросить милосердія отъ неба, беззаконіями моими ожесточеннаго. Благодарю его за то, что имѣю удовольствіе умирать при глазахъ твоихъ.

Белла хочетъ изъявить Ришарду всю свою чувствительность, но новая слабость его объемлетъ; отъ того ль, что много предался онъ печали, или повредила его пища по столь долгомъ терпѣніи, онъ испустилъ послѣдней духъ, произнеся небо и имя своей благотворительницы.

Объятая ужасомъ Белла, спѣшила оставить мѣста сіи. Ка-

залось, что провиденіе старалось ея утѣшить, представя ей образъ своего мщенія въ плачевномъ концѣ ея гонителя. Между тѣмъ, непостижимой премудрости, беззаконіе поражающей и защищающей добродѣтель, не угодно было перемѣнить или умягчить жребій Беллы; она выпила безъ остатка сосудъ горести наполненной, насыщена была уничиженіемъ, и возчувствовала рвеній души несчастнаго человѣка, доведеннаго до крайности быть принуждену къ требованію отъ другихъ одолженій, которыхъ самое снисканіе причиняетъ обиду. Боже мой! говорила она ежеминутно, не ужѐ ль не простишь меня, не ужѐ ль умру я съ проклятіемъ отъ своего родителя? Какую даровала,

сынѣ мой, я тебѣ жизнь! Хотя бѣ Милордѣ Дарамбій могѣ тебя видѣть, быть тронутѣ слезами твоими, развергнуть ту грудь, которая для меня закрыта! да, естьли бѣ онѣ тебя увидѣлѣ, онѣ бы смягчился, не возможно было бы отказать ему прощеніе; онѣ бы удостоилѣ принять душу мою исходящую.

Любовь матерняя, являя свои чудеса, сохраняла еще жизнь сей несчастной твари; она убѣгая городовѣ, скиталась изѣ одной деревни вѣ другую. Отвсюда изгнанна, утопленна подѣ игомѣ мученій, изтощевающа отѣ нужды и болѣзни: одна сыскалась только бѣдная женщина, живущая мирскимѣ подаяніемѣ, которая ея состояніемѣ была тронута, приняла ея вѣ конюш-

ню,

ню, служащую по вечерамъ ей убѣжищемъ. Дочь Лорда Дарамбіи окончевала жизнь свою, лежа на соломѣ, истощались силы ея; она болѣе не могла говорить; глаза̀ ея служили источниками слезъ; она только глядѣла на своего сына, обнимала его и паки впадала въ безсиліе. Сей младенецъ, раздѣляющей, какъ казалось, съ нею скорбь, плакалъ и стеналъ вмѣстѣ; сколь плачевное позорище! могутъ ли быть на землѣ твари ихъ несчастнѣе и отверженнѣе? Ежедневно доходитъ до насъ вопль ихъ, слéзы ихъ стараются пронзить сердца̀ наши, но мы вмѣсто оказанія вспоможенія, едва на нихъ взираемъ.

Белла движима силою горячности къ своему сыну, вознамѣ-

мѣрилась написать новое письмо къ отцу своему; она опасалась умѣреть потому, что не вѣдала, въ чьехъ рукахъ оставитъ сына? И отъ кого въ сію минуту требовать по́мощи? Она проситъ чернилъ и бумаги у сей женщины, незнающей о достоинствѣ Беллы. Доброхотство внушило въ нея сыскать ей сіе утѣшеніе. Белла, взявъ бумагу, умножаетъ свои слёзы. Дражайшая благодѣтельница, говоритъ ей не всегда была я въ такомъ состояніи, въ которомъ ты меня теперь видишь... Повѣришь ли ты тому, что обязываешь дочь Лордову? Дочь Лордову, вскричала женщина, въ удивленіе приведенная! Ахъ, Милади! Я прошу у васъ прощенія, что не могла ничего больше для васъ сдѣлать.

Вы знаете мою бѣдность... Я знаю твое великодушіе, благородство души, отвѣчаетъ Белла; когда ужѐ все, все меня оставило, то ты одна въ свѣтѣ воззрѣла на меня окомъ со страданія. Да, другъ дражайшій, ты достойна сего имени, такъ, подлинно, я дочь Лордова и умираю подкрѣпляема твоимъ единымъ благодѣяніемъ.

По семъ словѣ пресѣкается голосъ Беллы отъ вздоховъ; она приходитъ въ память, беретъ перо, и пишетъ пространное письмо, орашая его слезами: въ ономъ описываетъ отцу свою къ нему горячность, послушаніе, заблужденіи, разскаяніе печальные слѣдствія своего преступленія, лишеніе супруга, прискорбность ея терзающую, и бѣдность, въ ко-

которую стала ввержена. Умоляла его именемъ природы, и человѣчества притти къ ней и снявъ съ нея иго проклятія, принять послѣднія издыханія, упоминала ему о преждеписанномъ письмѣ, на которое не получила отвѣта, и препоручала ему своего сына. Въ семъ-то мѣстѣ устремилась вся душа ея, заключала потомъ прозьбою о оказаніи милостей священнику Симсону, которыхъ онъ лишился желая одолжить ихъ, и котораго не позабыла она великодушіе, предавала также въ защищеніе его и покровъ сію доброхотную женщину, принявшую участіе въ ея бѣдствіяхъ; по окончаніи же письма прибавила:
„Поспѣшайте, Милордъ, ибо не
„осмѣлюсь назвать васъ своимъ

„роди-

„ родителемъ, сомкнуть глаза,
„ ежели сказать могу несчастной
„ вашей дочери? Дозволите ль
„ мнѣ сіе наименованіе? Увы!
„ ужè мало остается мнѣ вре-
„ мени носить оное: душа моя
„ ожидаетъ испущенія своего въ
„ сердце ваше, въ сердце роди-
„ теля, которой въ сію минуту
„ мнѣ милѣе прежняго: не ужèль
„ будетъ онъ упоренъ въ проща-
„ ніи меня? Пусть склонится
„ онъ на прозьбу моего сына,
„ котораго повергаю къ ногамъ
„ его, онъ простираетъ къ нему
„ руки требуя матери своей от-
„ пущенія. Милордъ.... роди-
„ тель мой, хотябъ я умерла
„ обнимая васъ; буде я васъ про-
„ гнѣвала, то вы будете сами
„ свидѣтелемъ поразившего ме-
„ ня возмездія. Я осмѣливаюсь

„ ду-

„думать, что гнѣвъ вашъ не
„будетъ далѣе простираться;
„еще повторяю удостойте
„склониться на мою прозьбу, на
„слёзы мои: пріѣзжайте, чтобъ
„я послѣдніе мои взоры раздѣ-
„лить могла между вами и сы-
„номъ моимъ.

Жалостливая женщина обѣ-щалась съ нарочнымъ отправить письмо, и пребывая въ прежнемъ удивленіи, Беллѣ сказала: почте-ніе, которое вы къ себѣ внушаете, заставляло меня думать что вы неравной со мной природы -- Ахъ, другъ достойной, единой другъ мой, прервала изнемогающая Белла; не будемъ поминать о почтеніи, не мнѣ принадлежитъ сіе чув-ствованіе, благополучна я въ теперешнемъ моемъ состояній, подвигнувъ тебя къ сожалѣнію;

ты заслуживаешь все почтенiе, имѣя сердце нѣжное; слезы мои тобою отерты .... Отецъ мой тебѣ за меня отслужитъ. Увы! сколько я тебѣ обязана! я льщусь, что письмо мое его обезоружитъ. Любезное дитя, продолжала она, взявъ сына своего на-руки, я не отчаеваюсь, чтобъ не былъ ты благополучнѣе своей матери ... Милордъ тебя не покинетъ, ты найдешь въ немъ подпору и отца.

Дарамбiй не преставалъ разговаривать съ Симпсономъ о своей дочери; онъ бы предпочелъ окружающей его пышности наигнуснѣйшее состоянiе, когда бъ возвращена ему могла быть Белла: единый только законъ подкрѣплялъ жизнь его. Священникъ старался утѣшать его, но самъ

воспоминая Беллу не могъ отъ пролитія слезъ воздержаться.

Посланной пріѣхавъ, требуетъ дозволенія, говоритъ съ Лордомъ Дарамбіемъ, вручаетъ ему письмо: онъ упадаетъ въ обморокъ и опамятовавшись кричитъ: дочь моя ... дочь моя въ такомъ злополучіи ... Симпсонъ ступай, поѣдемъ, я хочу ея видѣть, ея обнять, пускай узнáетъ она наинѣжнѣйшаго родителя ... Я лишусь ея Симпсонъ, она не позабыла твоихъ благодѣяній! О! небо, небо, возврати мнѣ дочь мою! ея сынъ ... онъ ... мой сынъ ... я виновнѣе всѣхъ въ свѣтѣ.

Дарамбій терзаемъ былъ неизреченнымъ смущеніемъ: онъ распрашивалъ тысячу разъ присланнаго о бѣдственномъ состояніи

янiи Беллы, и узнавъ о мѣстѣ ея убѣжища, испускаетъ стонъ и упавъ пораженъ подобно грому, произноситъ сiи слова: дочь моя столь злощастна.

Не мешкалъ онъ въ прiуготовленiяхъ, пылаетъ желанiемъ исторгнуть Беллу изъ ужасной бѣдности, честной, священникъ ему послѣдуетъ, Милордъ ежеминутно съ вздохами повторяетъ: возможно ли какiе нанесъ я удары моей дочери? Это я Симпсонъ, отецъ ея низринулъ въ пропасть злоключенiй, письмо представило ему во всей точности злобу сестры его: онъ лехко выразумѣлъ, что первое Беллою писанное письмо попалось въ руки сей недостойной родственницы, и что она объ немъ утаила! Увы! примолвилъ онъ,

когда бъ письмо не было перехвачено, можетъ статься еще бы не поздо было позабыть любезной моей дочери причиненныя мною ей страданія. Ахъ! естьли я ея ужѐ лишился . . . естьли найду ея умирающую ... естьли не будетъ въ состояніи принять она моихъ лобзаній и слезъ моихъ: Ахъ! Симпсонъ, кто отнимется жизнь мою? Я достоинъ всѣхъ казней.

Милордъ летѣлъ къ скудному жилищу Беллы, вся душа его стремилась въ ея объятія; сердце его вкушало ужѐ радость, происходящую отъ лобзанія ее, омыванія своими слезами и прозьбы опрощеній. Какая нѣжность сравняется восхищеніямъ любви родительской?

Белла не съ меньшею нетерпѣливостію ожидала своего родителя. Нѣтъ, говорила она: отецъ мой не будетъ столько жестокосердъ, чтобъ отказать мнѣ утѣшеніе его увидѣть, я во гробъ съ собою снесу его благословеніе; онъ зжалится надъ моимъ робенкомъ; произнеся послѣдніе слова, она прижимала съ пущею горячностію сына своего къ груди. Сія безсчастная долженствовала испытать всѣ жестокости, соединившіеся къ ея погубленію; претерпѣваетъ новые немощи; наконецъ Белла, о ужасъ смерти ея поражающей! страшится, чтобъ отецъ ея незамедлилъ принять послѣднее ея воздыханіе; вопль и слезы возсылаетъ на небо!... О Боже!

повторяла она, Боже мой, удержи жизнь мою, доколѣ могу устремить взоры мои на взоры родительскіе! чтобъ имѣла я только время сказать ему, что умираю, прося у него прощенія, любя его! чтобъ препоручила ему своего сына! и по крайней мѣрѣ сердце мое трепетало подъ рукою родительскою; потомъ пріими отъ меня сей духъ, остатокъ жизни горестной! Благотворящая женщина подлѣ нея стоя старалась разогнать въ ней волненіе отчасу умножающееся. Белла не сумнѣвается болѣе о приближеніи своей кончины; не надѣется болѣе видѣть Милорда Дарамбіа, и проситъ Женщину поддержать себя, потомъ трепещущею рукою

на

начертаваетъ къ отцу новое письмо.

„Я не вижу тебя, родитель „мой, смерть скоро на вѣкъ „сомкнетъ глаза мои... на вѣкъ: „нѣтъ, все вѣщаетъ мнѣ, что „не вкушу я удовольствія быть „въ вашихъ объятіяхъ и полу- „чить прощеніе. Сей единой „щедроты просила я у неба и „оно мнѣ отказываетъ! Я то „чувствую, что умру не пла- „чучи на рукахъ вашихъ, не „именуя васъ своимъ родителемъ. „Милордъ, я васъ оскорбила; „любовь, любовь, источникъ „моего преступленія, и всѣхъ „несчастій; какой примѣръ „для молодыхъ людей моего „пола! но вы и небо не доволь-

„но ли заплачены? Милордъ,
„дочь ваша, Лади Дарамбій...
„просила милостыню; она уми-
„раетъ въ конюшнѣ; но кто
„зжалится надъ ея мученіемъ,
„кто удостоитъ принять ея
„слезы, и послѣднее издыханіе?
„Бѣднѣйшая тварь, имѣющая и
„сама нужду въ по́мощи, и сожалѣ-
„ніи народномъ! Вотъ единая
„моя подпора; къ ея-то гру́ди
„преклоняется бездушная глава
„моя; сія-то бесчастная пред-
„ставитъ предъ васъ тѣло мое
„охладѣнѣвшее; сей бѣдной ро-
„бенокъ... Милордъ, не отвер-
„гни его, въ немъ мое сердце,
„онъ будетъ вамъ покоренъ,
„онъ будетъ любить васъ: я
„умираю съ сею послѣднею на-
„деждою: онъ станетъ стараться

ся

„ся исправить мои погрѣшно-
„сти; слёзы вами на него про-
„ливаемыя, ласки ему оказуе-
„мыя возчувствую я во гробѣ;
„удостой несчастной мой оста-
„токъ благословенія своего, ко-
„тораго я живучи не могла по-
„лучить; пролѣйте слёзы свои.
„Увы! ужѐ мои изсохнутъ; не
„можно будетъ мнѣ упасть къ
„ногамъ вашимъ; ужѐ не будетъ
„вашей дочери, сколь ужасное
„воображеніе! Какая смерть!...
„Удостойте, паки прошу васъ,
„вспомнить о моемъ благотво-
„рителѣ Симпсонѣ, и окажите
„милости ваши сей женщи-
„нѣ, единой на землѣ уча-
„ствующей въ моей долѣ. Про-
„сти, родитель мой! . . . Вся
„душа моя произноситъ слова

„ сіи, сожалѣй обо мнѣ въ мо-
„ емъ сынѣ.

Белла проситъ, чтобъ письмо было положено къ ней въ руки, и когда скончается она не дождавшись своего родителя, тобъ въ семъ состояніи была она ему представлена; судбина поражала ея до послѣдней минуты; она скончалась держа въ объятіяхъ своего сына, лишенна утѣшенія увидѣть виновника дней своихъ.

Желаніи ея съ точностію были исполнены; младенецъ заплакавъ упалъ на мертвое тѣло своей матери, которая казалось еще простирающею къ нему руки.

Ми-

Милордъ входитъ въ послѣдованіи Симпсона и посланнаго. Гдѣ дочь моя вопрошаетъ онъ съ торопостію? Въ которомъ мѣстѣ? Ужè нѣтъ ея! дитя.... Сынъ мой любезной! сіи только слова̀ произноситъ Дарамбій; обьемля дочь свою и внука, изпускаетъ стонъ; пото́мъ беретъ письмо изъ рукъ Беллиныхъ: новое поражаетъ отчаяніе; онъ немогъ оставить тѣло, держа его крѣпко своими руками, но лишь повторялъ: дочь моя! дочь моя дражайшая! Вотъ куда привело тебя мое ва́рварство! Онъ хочетъ лишить себя жизни! Симпсонъ соединяетъ свои сле́зы съ его слезами, представляетъ ему въ утѣшеніе законъ, единое средство въ подобныхъ при-

 клю-

ключенiяхъ; его поднимаютъ съ мѣста сего; онъ пребываетъ долгое время погруженъ въ сонъ горести; и приходитъ въ чувство для посвященiя дней своихъ смиренiю, и возложенiю на себя воспитанiя внука, которому по смерти оставилъ въ наслѣдiе имя свое, чинъ, и все иждивенiе, умирая просилъ онъ Симпсона, чтобъ былъ онъ ему другомъ; безполезно сказывать о томъ, что Милордъ Дарамбiй щедро наградилъ женщину, помогающую его дочери.

Молодой Дарамбiй сохраняетъ память своего дѣда; онъ почиталъ Симпсона вмѣсто роднаго своего отца. Дарамбiй, женился на молодой дѣвушкѣ,

бы-

бывшей долгое время игралищемъ несчастія; онъ предпочелъ ея одной богатой наслѣдницѣ трехъ королевствъ; мать научила его любить и почитать злополучіе; онъ имѣлъ душу непрестанно наполненную сею безчастною матерью; построя богадѣльню въ томъ мѣстѣ, гдѣ она преставилась, въ каждой годъ по цѣлому мѣсяцу провождалъ въ оной служа нищимъ. Друзья мои, говорилъ онъ имъ: вы мои братья; въ такомъ состояніи жила и умерла мать моя: я въ васъ люблю ея и почитаю. Да проникнутъ мои объ васъ попеченіи и слёзы память ея оплакивающія до ея гроба! О родительница моя, твоимъ стараніямъ одолженъ я въ чувство-

ствованіи, душу мою возвышающемъ; для чего неможешь ты собрать плода съ оныхъ?

Милордъ воздвигнулъ посреди сей богадѣльни статую, изображающую несчастную Беллу; часто хаживалъ онъ плакать у сего мрамора, и обнимать его; онъ былъ наидобродѣтельный и благочестивѣйшій во всей Англіи, и по сіе время живетъ еще въ сердцахъ согражданъ своихъ.

КОНЕЦЪ.

Книги, которыя продаются на Спасскомъ мосту.

	копейки.
Алинкуртъ и Флорида - -	20
А́нна Белла - - - -	35
Арсень, Суета свѣта - -	33
Ахиллесъ - - - -	20
Бетти, несчастія отъ ревности -	20
Безбожной Трагедія - - -	65
Батильда, геройство любви -	35
Ворчалкина Комедія - - -	30
Вѣстникова Комедія - -	22
Географія - - - -	40
Графъ Оксенштирнъ - -	35
Гофманъ, о спокойствіи 1. томъ -	75
Делабедуаеръ 4. части - -	110
Донъ Жуанъ - - - -	25
Задека предсказаніи - - -	10
Заида 2. тома - - -	55
Зелинтъ - - - -	20
Жизнь Петра Великаго - -	120
Іосифъ прекрасной . - -	100
Катона нравоученіи - -	20
Клари, награжденная добродѣтель -	33
Княжна Жевана - - - -	30
Лотерея, изъ 80. картъ - -	12
Любовныя утѣхи - . -	15
Наставленіе Государю - -	44
Непостижимость судьбы - .	20
Нравоученіе Философовъ - -	12
Обманутой женихъ комедія -	18
Описаніе о Портѣ, Емика - -	30
	0

	коп.
О Малороссіи - - - -	44
О Корсикѣ - - -	44
О коровьихъ заводахъ - -	25
О Мореи - - -	60
Описаніе о женщинахъ - -	20
Письмо отъ женщины къ любовнику	10
Походъ боярина Шеина - -	65
Планета щастливая - - -	25
Россійская Идрографія - -	100
Россійская Вивліофика 2. части -	440
Сказки Могольскія 4. тома - -	250
— Славянскія Древности 3. тома	125
— Щастливой разводъ -	25
— Вадимовы - - -	25
— Фанты - - - -	30
— Щастливое Семѣйство -	25
Слово похвальное Годунову - -	33
Сара Т. новая повѣсть - -	20
Сидней съ стихами - - -	25
Смѣсь - - - - -	100
Сентъ Урбинъ - - - -	12
Табели о рангахъ - - -	15
Три разсужденія о Россіи -	110
Трушень 2. тома - - -	220
Философическія разсужденіи о любви	15
Французская Философія - -	30
Флорикуртъ любовію исправленной -	33
Христіанская Школа - - -	50
Царской свитокъ - - -	50
Экономія жизни человѣческой -	25

